

389 7-66

~~Лист 2 141.~~

У: 42
1477

КЛАДЫ

Р 23693-43

и

КЛАДОИСКАНИЕ НА РУСИ.

Вѣра простаго народа въ клады началась съ незапамятныхъ языческихъ временъ, и первоначально сложилась подъ вліяніемъ его миѣческаго міровоззрѣнія. Во многихъ русскихъ былинахъ и сказкахъ говорится о несмѣтныхъ богатствахъ, сокрытыхъ въ лѣсахъ, горахъ и оврагахъ, охраняемыхъ злымъ существомъ въ образѣ Кощея, Змѣя Горыныча или Тугарина Змѣевича. Съ принятіемъ христіанства, вѣра въ клады не уничтожилась, измѣнился только взглядъ на нихъ: вмѣсто злаго миѣческаго существа, хранителемъ клада, скрытаго въ землѣ, является бѣсъ и соблазняетъ даровымъ богатствомъ неопытныхъ и корыстолюбивыхъ людей, на погибель души христіанской, требуя отъ нихъ живой головы или другой дани. По языческому взгляду кладъ можно добыть только посредствомъ физической силы, по христіанскому воззрѣнію вовсе не слѣдуетъ и хлопотать о богатствѣ, пріобрѣтасмомъ не трудомъ: чрезъ даровое богатство діаволь старается сдѣлать человѣка несчастнымъ. Авторъ „Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ“ замѣчаетъ по этому поводу: „Аще бо или серебро, или золото сокровено будетъ подъ землею, то мнози видятъ огонь горящъ на томъ мѣстѣ, то діаволу показующу сребролюбивыхъ ради“¹⁾.

¹⁾ По изд. И. И. Срезневскаго, стр. 23.

Сами крестьяне, рассказывая о кладахъ, обыкновенно говорятъ: „отъ нечистаго онъ“.

Заглядывая въ сѣдую старину, мы видимъ, что даже князья, цари, духовенство и лица высокопоставленные занимались отысканіемъ кладовъ, „по наущенію діавола“. Въ одной изъ рукописей, хранящихся въ Румянцевскомъ музеѣ ¹⁾ въ Москвѣ, между прочимъ, говорится, какъ бѣсъ, желая нанести неприятность благочестивому Авраамію Ростовскому, преобразился въ воина и, явившись къ великому князю Владимірскому, доложилъ ему, что будто Авраамій „налезе въ земли сосудъ мѣдянь, въ немъ же множество сосудовъ золотыхъ и поясовъ золотыхъ“, и что на это сокровище, которому „не мощно и цѣны уставити“, Авраамій и монастырь устроилъ. Князь, повѣрившій бѣсовской выдумкѣ, приказалъ схватить подвижника и привести къ нему; воля князя была исполнена, но у Авраамія оказалась одна власяница. Въ Печерскомъ Патерикѣ помѣщенъ рассказъ о томъ, какъ великій князь Мстиславъ мучилъ двухъ монаховъ, пытая, куда они спрятали кладъ, будто бы найденный ими въ одной пещерѣ. Лѣтописецъ половины XVI вѣка записалъ весьма любопытный рассказъ о томъ, какъ царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный открылъ кладъ въ новгородской Софійской церкви ²⁾. Царевна Екатерина Алексѣевна, сестра Петра Великаго, отличалась особенной любовью къ кладопыскательству: она вела переговоры съ однимъ костромскимъ іереемъ, который хвалился, что онъ можетъ опредѣлять мѣстонахождение кладовъ по планетнымъ тетрадамъ; она же послала приближенныхъ къ себѣ женщинъ въ полночь рыть могилы на кладбищѣ и занимала подводы, чтобы съѣздить за 230 верстъ отъ Москвы для разрытія клада на дворѣ одного крестьянина. Лица, указывавшія царевнѣ на мѣста зарытія кла-

¹⁾ № 156, л. 43 на оборотѣ.

²⁾ «Ист. Госуд. Росс.» Н. М. Карамзина, т. VII, прим. 383, и т. VIII, пр. 153.

довъ, оказались, по розыску Петра, обманщиками ¹⁾. Въ 1752 году священникъ села Помаева (Буинскаго уѣзда Симб. губ.) Кирилль Михайловъ рѣшился, въ чтобы-то-ни стало, добыть кладъ, зарытый въ оврагѣ между селомъ Помаевымъ и деревней Атяшкпной. Вооружившись крестомъ и евангеліемъ отъ бѣсовскаго навожденія, отецъ Кирилль, отличавшійся необыкновенной смѣлостью, отправился на мѣсто клада и принялся отрывать его, но страшныя привидѣнія до того перепугали его, что онъ бѣжалъ со страху, оставивъ на мѣстѣ крестъ и евангеліе ²⁾. Въ селѣ Елшанкѣ (Сенгилеевскаго уѣзда Симб. губ.) дьячекъ сталъ рыть яму, чтобы поставить воротную веревку; вырвавъ яму не болѣе аршина въ глубину, онъ наткнулся на громадную корчагу, наполненную до-верху серебряными деньгами. Пораженный неожиданной находкой, отъ радости и удивленія онъ выронилъ изъ устъ неприличное слово — и корчага съ деньгами провалилась въ землю ³⁾. Въ любопытной статьѣ Н. Я. Аристова ⁴⁾ „Преданія о кладахъ“ находится много подобныхъ рассказовъ, собранныхъ имъ преимущественно въ Симбирской губерніи и дополненныхъ данными о кладахъ изъ этнографическихъ матеріаловъ по Симбирской губерніи, сообщенныхъ въ И. Русское Геогр. Общество г. Юрловымъ.

Поволжскій край, безъ сомнѣнія, представлялъ самый удобный пріютъ для разбойниковъ, и потому здѣсь особенно много сохранилось различныхъ сказаній о кладахъ въ самой прихотливой и украшенной формѣ. Волга-матушка,—эта вольная божья дорога,—представляла широкое раздолье для всѣхъ бѣлыхъ, недовольныхъ господствовавшимъ порядкомъ дѣлъ въ Руси, а ея многоводные притоки Ока, Кама и Сура съ

¹⁾ С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XVI, стр. 138 и слѣд.

²⁾ См. въ упомянутой статьѣ Н. Аристова, стр. 718.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Н. Я. Аристовъ былъ профессоромъ Русской исторіи въ университетахъ: Казанскомъ, Варшавскомъ и Харьковскомъ и въ Нѣжинскомъ Историко-Филологическомъ Институтѣ, гдѣ и скончался.

густыми и непроходимыми въ то время лѣсами, горы и глубокіе приволжскіе овраги, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовали цѣлямъ разгульной вольницы. Здѣсь и доселѣ сохраняется память о Ермакѣ Тимофеевичѣ въ названіи села Ермакова и объ его есаулѣ Кольцо въ наименованіи села Кольцова, находящихся въ Самарской Луцѣ¹⁾. Волга служила театромъ дѣйствій Разина и Пугачева; подъ вліяніемъ этихъ страшныхъ волненій, сильно разыгралась народная фантазія и создала множество удивительныхъ рассказовъ и преданій. Н. Я. Аристовъ приводитъ въ своей статьѣ нѣсколько любопытныхъ преданій о кладахъ въ Симбирской губерніи, соединенныхъ съ именемъ Разина, особенно интересенъ рассказъ о Шатранскомъ кладѣ²⁾; но онъ вовсе не упоминаетъ о разбойникѣ Кудеярѣ, родившемся будто отъ великой княгини Соломоніи, первой супруги Василія Іоанновича III, съ которой князь развелся по ея бесплодію, чтобы жениться на Еленѣ Глинской. Преданія о Кудеярѣ распространены преимущественно въ среднихъ за-московскихъ губерніяхъ, хотя иногда и въ рассказахъ приволжскихъ жителей упоминается какой-то разбойникъ, побратавшійся съ Грознымъ Царемъ Московскимъ. Въ селѣ Подвальѣ Сенгилеевскаго уѣзда Симбирской губерніи въ шестидесятихъ годахъ проживала крестьянка Абрамова-Азовская, помѣшавшаяся на кладоискательствѣ; нѣсколько лѣтъ она отыскивала „траву-разрушевку“, чтобы добыть кладъ, скрытый на дворѣ Филиппа Самсонова, крестьянина деревни Матюниной въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ. Абрамова рассказала намъ слѣдующее преданіе объ этомъ кладѣ: „На дворѣ Филиппа Самсонова положенъ

¹⁾ Оба села: Ермаково и Кольцово находятся въ Сызранскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи.

²⁾ Въ селѣ Шатранахъ Буинскаго уѣзда Симбирской губерніи, по преданію, лежитъ казна 40 пудовокъ (мѣръ) золота, 2 сундука жемчугу и 4 р. мѣди брата Стеньки Разина Ивана; тотъ, кому достанется кладъ, мѣдныя деньги долженъ раздать нищей братіи. См. въ упомянутой статьѣ Н. Аристова стр. 732—734.

кладъ во 104 милліона рублей. Тамъ находится жестяная таблица, прибитая къ матицѣ изъ чернаго дуба. Въ выходѣ стоитъ столъ; на столѣ лежитъ Евангельска книга, тутъ же стоитъ и блюдо, а на блюдѣ лежитъ камень самосвѣтъ, вѣсомъ въ полтора фунта. Въ углу выхода поставлены 42 ружья, вокругъ ихъ—мѣдная шпонишка, или кольцо, блестящее какъ золото. Въ выходѣ же находится часовня, а въ ней стоитъ животворящій крестъ да тутъ же Арсидима Божья Матерь и Никола Милостивый; предъ ихъ иконами горитъ большая неугасимая свѣча. Въ кладу положено двойное золото, серебро все крестовики, жемчугъ и мѣдныя деньги все съ конями. Около клада стоитъ приставъ (чертъ) и никому не дастъ денегъ: внезапно, говоритъ, трава найдется съ восхода и казна туда пойдетъ,—естъ подваль¹⁾, туда и пойдетъ казна. Кто возметъ этотъ кладъ, тому построить соборъ-церковь и поставить въ ней животворящій крестъ, находящійся въ выходѣ, а икону Арсидимы Божией Матери отнести въ Соловецкій монастырь, гдѣ она была раньше и откуда вывезъ ее какой-то разбойникъ, побратавшійся съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Однажды, когда царь проходилъ по одной изъ московскихъ улицъ, на встрѣчу ему попался разбойникъ. „Кто ты?“ спрашиваетъ царь.—„Разбойникъ“, отвѣчаетъ тотъ.—„А ты кто?“ спросилъ разбойникъ.—„И я—разбойникъ“, отвѣчалъ Грозный и сказалъ: „пойдемъ исхичивать царя!“—Тогда разбойникъ ударилъ его въ щеку и прибавилъ: „развѣ можно исхичивать Бѣлаго Царя?!“—Узнавъ потомъ, при содѣйствіи своей хитрой жены, что онъ ударилъ царя, разбойникъ закручинился, что царь прикажетъ снести ему голову за обиду; но жена успокоила его, что царь этого не сдѣлаетъ, потому что онъ не вѣдалъ, что бьетъ царя, а ударилъ раз-

¹⁾ Абрамова, находя созвучіе въ словахъ «подваль» и «Подвалье», была убѣждена, что кладъ долженъ достаться кому-либо изъ Подвальскихъ жителей, почему такъ усердно и долго старалась найти гдѣ-нибудь «траву-разрушевку», чтобы добыть этотъ кладъ.

бойника и стоять за царя же. Въ другой разъ тотъ же разбойникъ узналъ, что царю хотять поднести послѣ обѣдни просфору съ ядомъ; онъ пришелъ къ царю и сказалъ, чтобы онъ не бралъ просфоры. Иванъ Васильичъ обнялъ разбойника, поцѣловалъ и назвалъ его своимъ меньшимъ братомъ. Видя скупость своего брата, разбойникъ задумалъ поживиться царской казной и сталъ молиться: „Помоги мнѣ, Никола Милостивый, увести у своего брата названнаго банкъ съ казной и положить его на 42 человекъ бѣдныхъ!“—Никола Милостивый и помогъ ему: на семнадцати тройкахъ разбойникъ увезъ царскую казну и зарылъ ее въ Матюнинскомъ лѣсу. Огромный ларь съ двойнымъ золотомъ подпертъ желѣзной рогатиной, въ родѣ ухвата. Казна положена ни купцу, ни боярину, а на бѣдныхъ 42 человекъ. Кто подыметъ этотъ кладъ, тотъ долженъ камень самосвѣтъ и камень невидимый отослать къ царю. Невидимый камень нужно носить на груди, а въ зепь (карманъ) его не класть. Отъ невидимаго камня много пользы: если Бѣлый Царь обѣдетъ съ нимъ Расею, она сдѣлается невидимой для ея непріятелей; а кто найдетъ и достанетъ замочную траву, тому—двойнаго золота гарнецъ. Траву нужна для того, чтобы сшибить замокъ у сундука, въ коемъ хранятся планы, а замокъ вѣсомъ 16 фунтовъ. Въ выходѣ слышится иной разъ слабый женскій голосъ: „не усилийся, рабъ Божій, своей силой поднять казну! найди траву-разрѣшувку и выручи Божью Матерь изъ неволи, и тогда всему твоему роду и подродью будетъ царство небесное“.

Крестьянка Абрамова истратила все свое состояніе на отысканіе завѣтной травы, но не могла найти ее, и умерла съ глубокимъ убѣжденіемъ въ существованіи этого клада. Замѣчательно, что о присутствіи иконы Божіей Матери въ кладахъ упоминается во многихъ преданіяхъ. Въ четырехъ верстахъ отъ села Труслейки, какъ гласитъ преданіе, Разинъ положилъ на пчельникѣ подъ порогомъ въ избушкѣ кладъ и икону Божіей Матери. Кто отыщетъ эту икону, тотъ

отроетъ и кладъ, а кто станетъ рыть кладъ безъ этой иконы, тотъ тотчасъ же уснетъ ¹⁾.

Въ двухъ верстахъ отъ села Куваля Алатырскаго уѣзда Симб. губерніи показываютъ Городокъ, представляющій изъ себя небольшой курганъ (?) въ долинѣ между двухъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ; въ курганѣ зарытъ кладъ, надъ которымъ виситъ на золотой цѣпи икона Богородицы въ золотой ризѣ ²⁾. Въ Шатранскомъ кладѣ Стеньки Разина также стоитъ икона Божіей Матери, а предъ ней горитъ неугасимая лампада ³⁾.

Дѣйствительность существованія разбойническихъ и другихъ кладовъ въ различныхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества не подлежитъ сомнѣнію, и разнообразныя разсказы и преданія о кладахъ, отличающіеся часто полумифическимъ и легендарнымъ характеромъ, имѣютъ въ своей основѣ какой-либо дѣйствительный фактъ, осколокъ правды, украшенный народной фантазіей, подъ вліяніемъ возрѣнія и склада духовной жизни народа. Въ старину, какъ извѣстно, ни банковъ, ни сберегательныхъ кассъ не было, а держать дома трудомъ нажитое добро было рискованно и еще болѣе было опасно пускать капиталы въ оборотъ, при внутреннемъ неурействѣ общества, при постоянныхъ нападеніяхъ непріятелей: „сильные притѣсняли слабыхъ“,—замѣчаетъ по этому поводу Н. Я. Аристовъ,—и отнимали ихъ собственность; воры и разбойники нерѣдко похищали имущество другихъ; самовластіе служителей правосудія доходило до того, что они вытягивали послѣднюю копѣйку съ подсудимыхъ. Поэтому умные люди стараго времени считали самымъ практическимъ дѣломъ—прятать деньги и цѣнныя вещи, какъ можно дальше отъ завистливаго взгляда. Чтобы не подвергнуться неожиданному разоренію, личнымъ оскорбленіямъ и преслѣдованіямъ, чтобы обезопасить свое семейство на всякій случай и сохранить малую толику на чер-

¹⁾ См. въ статьѣ Н. Аристова: «Преданія о кладахъ», стр. 723.

²⁾ Тамъ же, стр. 728.

³⁾ Тамъ же, стр. 733.

ный день,—они зарывали въ землю имущество, нажитое потомъ и кровью. Припоминая постоянную борьбу русскихъ съ финскими, татарскими и нѣмецкими племенами, затѣмъ внутренняго междоусобія и неурстройства общественныхъ порядковъ, каждый теоретически можетъ сдѣлать выводъ, что кладовъ, зарытыхъ въ древнее время, должно быть громадное количество. Дѣйствительно, не смотря на всю случайность находокъ, кладовъ разрыли до настоящей поры очень много и преимущественно съ древними монетами и вещами, спрятанными по крайней мѣрѣ до XV вѣка ¹⁾. Съ другой стороны, разбойники, застигаемые въ располхъ преслѣдующими ихъ командами, не надѣясь унести съ собой награбленное ими богатство, скрывали его въ землѣ и дѣлали на этомъ мѣстѣ примѣты. Послѣ разгрома разбойническихъ шаекъ, одни погибали въ неравномъ бою, а другіе отправлялись на каторгу и кладъ, зарытый ими въ землѣ, оставался гдѣ-нибудь въ лѣсу, горѣ или оврагѣ до случайной находки его.

Преданія о кладахъ неоднократно подавали поводъ къ дѣйствительнымъ опытамъ кладоискательства. Нѣкоторые изъ крестьянъ-кладоискателей всю жизнь проводятъ въ добываніи записокъ о примѣтахъ, гдѣ зарытъ кладъ, и въ раскопкѣ этихъ мѣстъ. Случайныя находки, вмѣсто денегъ, мѣдныхъ копьевъ, кольчугъ и образовъ ²⁾ еще болѣе раздражали кладоискателей. Бывали примѣры, что мужики, занимающіеся кладоискательствомъ, ходили въ Петербургъ съ прошеніемъ о разрѣшеніи искать имъ клады. Въ селѣ Усольѣ, что на Волгѣ, лѣтъ 50 или 60 тому назадъ, велось даже слѣдственное дѣло изъ-за кладоискательства, а въ 1843 г. отставной унтеръ-офицеръ лейбъ-гвардіи Московскаго полка Афанасій Петровъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 711.

²⁾ Въ селѣ Миренкахъ одинъ крестьянинъ вырылъ кувшинъ клинообразныхъ монетъ; въ с. Морквашахъ (въ Самарской Луцѣ), при отысканіи кладовъ, попадались мѣдныя продолговатыя копья; въ с. Подвальѣ была вырыта мѣдная кольчуга, а въ селѣ Бряндинѣ крестьянинъ вырылъ икону 1618 г. См. ст. Аристова, стр. 731, сносокъ.

явился въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и, показавъ голландскій талеръ 1620 года, сообщилъ, что въ селѣ Кировомъ Городищѣ Кромскаго уѣзда Орловской губерніи, у крестьянина Василья Самсонова въ подземельѣ находится огромный кладъ, состоящій изъ множества боченковъ, наполненныхъ золотою и серебряною монетою. Тогдашній Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Л. А. Перовскій распорядился, чтобы мѣстныя власти произвели слѣдствіе объ этомъ кладѣ со всею строгостью и о результатахъ донесли въ министерство. При слѣдствіи были допрошены всѣ прикосновенныя къ дѣлу лица, въ томъ числѣ приходскій священникъ и московскій купецъ Бардинъ, и осмотрѣна мѣстность, на которой стоялъ домъ Самсонова, но никакого клада небыло найдено ¹⁾. Между прочимъ любопытно то, что на этомъ слѣдствіи было выяснено, какъ иные ловкіе люди, пользуясь невѣжествомъ крестьянъ, выдавали дѣйствіе извѣстнаго „гремучаго серебра“ (argentum oxidatum fulminans) за чудесное дѣйствіе надъ желѣзомъ такъ называемой спрынь-травы, или разрывъ-травы. Крестьянинъ графа Шереметьева Леонтій Ануфриевъ, имѣя только для виду какую-то травку въ пузырькѣ, при помощи „гремучаго серебра“, производилъ опытъ въ кузницѣ, въ присутствіи купца Бардина и кладоискателей, и опытъ вполне удался: полоса желѣза, почти въ четверть аршина длиной и въ ширину толщиной, положенная на наковальню, отъ одного прикосновенія чудесной травы разлеталась съ трескомъ, на подобіе выстрѣла, на четыре части, при чемъ Ануфриевъ, производившій опытъ своими руками, увѣрялъ, что безъ особенной сноровки и умѣнья ничего не сдѣлаешь, если и будешь имѣть эту траву. Но извѣстны и такіе случаи, когда народная молва о кладѣ оправдывалась дѣйствительной находкой сокровищъ въ той мѣстности, гдѣ предполагался кладъ: такъ въ 1839 году, въ селѣ Бѣломъ Омутѣ, Зарайскаго уѣзда Ря-

¹⁾ Случай этотъ описалъ въ Ж. М. Вн. Дѣлъ за 1845 г., г. IX, стр. 313 и слѣд. и въ Замѣткѣ къ статьѣ: «Преданія о кладахъ» Л. Майкова.

занской губернии, одинъ крестьянинъ, копаясь около своей избы, про которую давно шелъ слухъ, что подъ нею скрыто какое-то богатство, нашелъ небольшой кладъ изъ куфическихъ монетъ X вѣка. Благодаря содѣйствію мѣстнаго священника, находка эта попала въ свѣдущія руки и представила любопытныя данныя для науки ¹⁾.

Многочисленные случаи владоискательства подали поводъ нашему законодательству къ нѣкоторымъ особымъ постановленіямъ, относительно кладовъ. При Петрѣ Великомъ, правительство смотрѣло на кладъ, какъ на богатство, ему принадлежащее ²⁾. Въ царствованіе Императрицы Екатерины II, право собственности владѣльца земли было распространено на всѣ богатства, сокрытыя въ ея нѣдрахъ, что было особо подтверждено и Жалованною Грамотою дворянству ³⁾. Въ 1803 г. 7 октября былъ изданъ указъ, въ которомъ Сенатъ изъяснилъ, что кладъ безъ позволенія владѣльца земли не только частными лицами, но и мѣстнымъ начальствомъ отыскиваемъ быть не можетъ ⁴⁾. Въ X т. Свода Гражданскихъ Законовъ, по изданію 1832 г., сказано, что „кладъ принадлежитъ владѣльцу земли“ и притомъ объяснено, что „кладъ есть сокрытое въ землѣ или строеніи сокровище“ ⁵⁾. Въ изданіи того же Свода Гражданскихъ Законовъ 1842 года, т. е. черезъ десять лѣтъ, повторена снова эта статья о правѣ владѣнія кладомъ, но изъ опредѣленія понятія „кладъ“ опущены слова „или строеніи“ ⁶⁾.

¹⁾ См. Описаніе куфическихъ монетъ X вѣка, найденныхъ въ Рязанской губернии въ 1839 г. Изданіе Одесскаго Общ. исторіи и древностей, подъ редакціей В. Григорьева. Спб. 1841 г. (4).

²⁾ П. С. Зак., № 4376, п. 3.

³⁾ Тамъ же, № 15447, п. I. Указъ 28 Іюня 1782 г. Слич. № 16187, ст. 33. Указъ 31 апрѣля 1785 г.

⁴⁾ Тамъ же, № 20958.

⁵⁾ См. ст. 269.

⁶⁾ Ст. 398.

Въ губерніяхъ Полтавской и Черниговской, на основаніи мѣстныхъ правъ ¹⁾, было постановлено, что кладъ, отысканный самимъ владѣльцемъ на его собственной землѣ, весь и сполна принадлежитъ ему, изъ клада же, найденнаго кѣмъ-либо случайно на чужой землѣ, половина отдается владѣльцу земли, а другая половина тому, кто нашелъ кладъ ²⁾. Всѣ означенныя статьи о правѣ владѣнія кладомъ вошли и въ изданіе 1857 г. Свода Законовъ ³⁾.

Если археологическія раскопки различныхъ кургановъ и могильниковъ (Ананьинскій и Муранскій) и сообщенія о дѣйствительно находимыхъ кладахъ даютъ цѣнные результаты для науки, то и преданія объ этихъ сокровищахъ представляютъ богатый матеріалъ для историка, психолога и поэта, при изученіи духовной жизни народа. „Преданіе“, по справедливому замѣчанію Т. Н. Грановскаго, „не заботится о вѣрности, но въ немъ есть истина другого рода: въ немъ высказываются любовь и несправедливость народа, его нравственныя понятія, его взглядъ на собственную старину“. Нѣкоторые изслѣдователи не безъ основанія видятъ въ преданіяхъ о кладахъ политико-экономическій смыслъ Русскаго народа. Не смотря на самыя тяжелыя труды, русскіе крестьяне въ огромномъ большинствѣ испытывали страшную бѣдность въ теченіе многихъ вѣковъ; нельзя сказать, чтобы они разбогатѣли и теперь, когда и правительство, и частная благотворительность стараются поддержать народъ въ его упорной и часто непосильной борьбѣ съ природой, болѣзнями, эпизоотіей, пожарами и другими невзгодами, угрожающими окончательнымъ разореніемъ крестьянству. Поэтому неудивительно, что русскій крестьянинъ не вѣритъ,

¹⁾ Литовск. Стат., разд. III, артик. 39, подтвержденный мнѣніемъ Госуд. Совѣта, Высочайше утвержд. 15 апрѣля 1842 г.

²⁾ Сводъ Гражд. Зак. Изд. 1845 г., ст. 398.

³⁾ См. т. X, ст. 430. Всѣ вышеприведенныя указанія на законоположенія приведены по статьѣ Л. Майкова: «Замѣтка къ статьѣ: «Преданія о кладахъ», который въ свою очередь заимствовалъ ихъ изъ «введенія» въ статью, напечат. въ Ж. М. Вн. Дѣлъ за 1845 г., ч. IX, стр. 313.

чтобы можно было и притомъ скоро разбогатѣть своимъ трудомъ: „отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ“, говоритъ онъ, а если кто изъ его собратьевъ вдругъ разбогатѣетъ, то приписываетъ это счастливому случаю или нечестному дѣлу: „богатый совѣсти не купить, а свою губить“. О лицахъ нажившихъ богатство въ короткое время, крестьяне чаще всего говорятъ, что имъ удалось найти кладъ. Но особенно любопытно то обстоятельство, что всѣ преданія о кладахъ, подъ влияніемъ христіанства, получили легендарный характеръ чисто въ русскомъ духѣ. Степка Разинъ, Кудеяръ, братъ Разина Иванъ и другіе разбойники, зарывая кладъ, оставляютъ въ мѣстахъ сокрытія клада или святыхъ иконы, или милостыню нищимъ, и самый кладъ, по большей части, зарываютъ ни для купца, ни для боярина, а для людей бѣдныхъ, простыхъ, неопытныхъ, дѣтей и тѣхъ, которые гонимы другими и претерпѣваютъ напрасно побои и притѣсненія,—словомъ, въ преданіяхъ о кладахъ отразился тотъ же взглядъ народа, что и въ его бытовыхъ сказкахъ: о богатствѣ и бѣдности, о правдѣ и кривдѣ, о трехъ братьяхъ, о трехъ сестрахъ и снохахъ, о мачихѣ и падчерицѣ и др., гдѣ бѣдные и правдивые, гонимые богатыми и притѣсняемые криводушными, младшіе, преслѣдуемые старшими, слабые—сильными въ концѣ концовъ торжествуютъ и выходятъ побѣдителями. Въ статьѣ Н. Я. Аристова приведенъ слѣдующій рассказъ по этому поводу.

Въ одномъ домѣ была женщина въ загопѣ, не любимая въ семьѣ; ей не позволяли даже участвовать въ общемъ деревенскомъ весельѣ и въ играхъ, и потому она больше сидѣла дома. Какъ только останется она наединѣ, вдругъ завоетъ въ трубу вѣтеръ и послышится голосъ: „упаду—расшибусь!“... Когда она рассказала о томъ роднымъ, тѣ подняли на смѣхъ и обругали ее. Страхъ одолѣлъ несчастную женщину и она рассказала о томъ своей сосѣдкѣ, которая научила ее, какъ пособить горю: „ты возьми,—говоритъ,—бѣлую скатерть, раз-

стели около печки, поставь хлѣба-соли, и какъ только заговорить въ трубу голосъ, ты скажи: „упади-расшибись на хлѣбъ да на соль да на добрые годы“.—Припасла все это молодуха, сидитъ одна одинешенька по прежнему, а кладъ не является, перестала совсѣмъ голосить въ трубу, такъ что она объ немъ и забывать стала. Сидитъ она однажды вечеромъ, задумавшись; вдругъ завыло въ трубу сильнѣе прежняго: „упаду-расшибусь!“... Сначала молодуха оробѣла, потомъ оправилась и тотчасъ разостлала скатерть и проговорила по совѣту сосѣдки немудрыя слова. Кладъ рассыпался изъ трубы серебромъ прямо на скатерть¹⁾.

Степка Разинъ, по народнымъ преданіямъ, былъ не воровъ-разбойникомъ, а защитникомъ интересовъ, имущественныхъ и личныхъ правъ простаго народа, нарушителями которыхъ являлись помѣщики и воеводы, а потому и неудивительно, что во многихъ преданіяхъ о кладахъ, соединенныхъ съ именемъ Разина, говорится, что кладъ зарытъ имъ на бѣдныхъ и гонимыхъ сильными. Съ другой стороны, оберегателями кладовъ, какъ награбленнаго богатства, обогрѣннаго нерѣдко кровію людей, являются бѣсы, требующіе за обладаніе кладомъ человѣческихъ жертвъ, а потому различныя иконы съ неугасимой предъ ними лампадой или свѣчей, богоявленская вода, Животворящій Крестъ, восковыя свѣчи, просфоры, ладонь, разныя молитвы²⁾ Божіей Матери, Архангелу Михаилу и святымъ, заклинанія діавола, трава Петровъ-крестъ, Плакунъ-трава³⁾ и Спрынь-трава занимаютъ весьма видное мѣсто въ преданіяхъ о кладахъ, какъ средства, при помощи которыхъ можно прогнать бѣсовъ и добыть кладъ, скрытый въ землѣ какимъ-либо разбойникомъ для искупленія отъ грѣ-

¹⁾ См. стр. 727. Сравн. тамъ же стр. 722.

²⁾ Н. Аристовъ приводитъ въ своей статьѣ три такія молитвы. 1) Молитву Пресвятой Богородицѣ (стр. 735), 2) Молитву Михаилу Архангелу (стр. 736) и 3) Молитву Св. Николаю Чудотворцу. (стр. 737).

³⁾ Плакунъ-трава, по народному убѣжденію, выросла отъ слезъ Богородицы. См. стихъ о Голубиной книгѣ.

ховъ его души. Ворожецы или такъ называемые „мастера“, умѣющіе добывать клады, говорятъ, что для открытія и обладанія кладомъ необходимо прежде всего отслужить молебень св. Іоанну Новгородскому; затѣмъ идти на мѣсто предполагаемаго клада, взявъ съ собою девятичпновную просфору¹⁾ и прежде чѣмъ брать открытый кладъ, слѣдуетъ окуричь его ладономъ и окропить святою богоявленскою водою. Лица, занимающіяся отысканіемъ кладовъ, имѣютъ у себя такъ называемыя „вызывныя книги“, заключающія въ себѣ заклинательныя молитвы изъ „Требника“ Петра Могилы и многія другія, которыя читаются на мѣстѣ сокрытія клада. При разрытіи клада не слѣдуетъ оглядываться, разговаривать и особенно предаваться сну, а чтобы не бояться разныхъ привидѣній, нужно имѣть при себѣ траву Петровъ-крестъ, Спринъ-траву и свѣчу воска яраго (бѣлаго). Иные охотники до кладовъ имѣютъ у себя особыя записи и чертежи, служащія для нихъ указателями и руководствомъ при отысканіи кладовъ²⁾. Вѣроятно, эти записи составились подъ вліяніемъ устныхъ преданій и положены на бумагу грамотными кладонскателями, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе съ различными вариантами и наслоевіями позднѣйшаго времени. Къ числу такихъ записей, вѣроятно, принадлежитъ и печатающійся въ настоящей книжкѣ „Извѣстій“ рукописный свитокъ Г. В. Мещеринова. Мы находимъ въ немъ всѣ тѣ характеристическія черты, которыми отличаются вообще преданія о кладахъ. Послѣ исчисления скрытыхъ въ немъ сокровищъ и указанія его мѣсто-нахожденія, даются наставленія, какъ его взять. Кладъ бабы разбойницы Варвары, Желѣзный Лобъ, можетъ быть взятъ только людьми „простосердечными“, а хитрые люди, еслибы при томъ находились, „всѣ вскорѣ изгибнутъ копечною злою смер-

¹⁾ Въ честь девяти чиновъ Ангельскихъ.

²⁾ См. образчикъ такой записи въ ст. Н. Аристова на стр. 731, а въ приложеніи къ «Замѣткѣ» Л. Майкова находится любопытный чертежъ, слѣданный въ объемѣ подлинника и съ точнымъ сохраненіемъ рисунка оригинала и его письма, относящагося къ началу текущаго столѣтія.

тію“. При открытіи клада, непремѣнно должна находиться баба Варвара, безъ которой „того сокровища отнюдь никому не найдеть и не взять“. Баба Варвара должна троекратно окропить двери амшеника святою водою „непитою“ и, проговоривъ три раза Іисусову молитву, какъ она, такъ и всѣ, входящіяся съ нею, должны произнести заклинаніе діавола; „заклинаемъ ты діавола Люцыпера, тьмы князя града ада геенскаго и всѣхъ съ тобою злыхъ нечистыхъ діавольскихъ духовъ Живымъ Своимъ Истиннымъ Богомъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, Сыномъ Божіимъ и Сыномъ Маріинымъ, адею и амею, отъ сего часа и минуты, да изыди отъ сего мѣста и со всѣми своими нечистыми духи, невидимо нами рабами Божіими, на сухъ лѣсъ, на желтые пески синяго моря акіяна. Аминь, аминь, аминь“. Затѣмъ всѣмъ слѣдуетъ идти въ амшеникъ за бабою Варварою, безъ робости и сомнѣнія, съ Іисусовою молитвою „честно, тихо и кротко“. Въ амшеникѣ находится „ломовая превеликая пушка, заряженная злымъ дѣломъ да образъ Св. Варвары Христовой Мученицы“. Цѣль зарытія клада—спасеніе души: называя себя „многогрѣшной рабой божіей“, Варвара Желѣзный Лобъ просить тѣхъ, коимъ достанется кладъ, „незабытно поминать многогрѣшныхъ рабовъ божіихъ Варвару, Кудеяра и Степана“ (Разина). Здѣсь очевидно сказалось вліяніе христіанства: сознавая грѣховность своей удалой жизни и вѣря въ отвѣтственность за свои дѣянія въ загробномъ мірѣ, разбойники надѣялись, что молитвенная память о нихъ поможетъ ихъ душѣ, что Господь не отрицетъ ихъ раскаянія въ грѣхахъ; подобно новгородскому богатырю Василью Буслаеву, они разсуждали такъ: „съ молоду было много бито, граблено,—подъ старость надо душу спасти“.

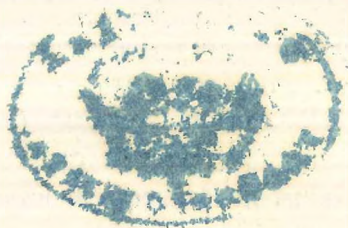
В. Витовскій.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

И. д. Секретаря И. Смирновъ.

14 ИЮЛ 1943

Казань. Типо-литографія университета. 1893.